

TALLINN UNIVERSITY OF TECHNOLOGY

Tallinn School of Economics and Business Administration

Department of International Relations

Centre for Asia-Pacific Studies

Natalia Elts

ЧЕТЫРЕ ИМПЕРИИ В БОРЬБЕ ЗА ИРАН

Bachelor's Thesis

Supervisor: Lecturer Vlad
Vernygora

Tallinn 2015

СОДЕРЖАНИЕ

АННОТАЦИЯ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
1. МОТИВАЦИИ ПОЛИТИКИ ИРАНА.....	8
1.1 Понимание угрозы.....	8
1.2 Идеология.....	9
1.3 Национальные интересы.....	10
1.4 Фракционные интересы.....	10
1.5 Политико-идеологический аспект внешней политики Ирана.....	12
2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКИ ИРАНА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИИ.....	17
2.1 Характерные черты внешней политики Ирана.....	17
2.2 Перспективы трансформации.....	18
2.2.1 Потенциальные стратегические ходы Ирана.....	19
2.2.2 Экономические перспективы ре-интеграции Ирана.....	21
3. ИРАН В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЧЕТЫРЁХ ИМПЕРИЙ.....	25
3.1 Роль Ирана в процессе формирования внешней политики США.....	27
3.1.1 Влияние СКПД на политику США.....	29
3.1.2 Потенциальные последствия снятия санкций для США.....	30
3.1.3 Стратегические последствия ядерной сделки.....	30
3.2 Политика санкций Европейского Союза.....	34
3.2.1 Ядерная сделка в контексте торговых отношений ЕС и Ирана.....	34

3.2.2	Значимость договора для ЕС.....	35
3.3	Россия в контексте последствий ядерной сделки Ирана.....	36
3.3.1	Стратегические интересы России относительно ядерного договора.....	37
3.4	Иран во внешней политики Китая.....	38
3.4.1	Торговля нефтью.....	39
3.4.2	Инвестиции Китая в развитие инфраструктур в Иране.....	40
3.4.3	Сотрудничестве в сфере безопасности.....	40
3.4.4	Политическое сотрудничество.....	41
	ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ.....	42
	SUMMARY.....	46
	БИБЛИОГРАФИЯ.....	47

АННОТАЦИЯ

Совместный Комплексный План Действий, согласованный 14 июля 2015 года группой стран 5+1 и Ираном, без сомнения является историческим моментом, который может существенно изменить политическую и экономическую расстановку сил на Ближнем Востоке, а также общую стратегическую картину мира. Договор накладывает существенные ограничения на ядерную деятельность Ирана, с одной стороны, и снимает с Тегерана санкции, значительно подорвавшие экономическую и политическую мощь страны, с другой. Таким образом, данное соглашение станет отправной точкой для трансформации Ирана из политически и экономически изолированной страны-изгоя в формирующуюся региональную державу, которая впоследствии станет ядром формирования экономических и геополитических стратегий мировых империй.

Данное исследование направлено на то, чтобы дать академическую оценку последствий ядерного соглашения для Ирана, а также для ключевых глобальных империй.

В первой главе будет проведён всеобъемлющий анализ факторов, влияющих на формирование внешней политики Исламской Республики. Данный анализ поможет понять, какие факторы будут напрямую или косвенно влиять на последующие внешнеполитические решения Ирана, а также сформирует наглядную картину политического устройства и идеологических особенностей страны. Во второй главе будут рассмотрены основные направления внешней политики Ирана, а также пути её трансформации, открывшиеся благодаря подписанию ядерного договора. В данной главе будет сделана попытка спрогнозировать возможные варианты внешнеполитических ходов Ирана после снятия санкций, а также попытка проанализировать возможные последствия этих ходов в контексте взаимодействия Ирана и 4 мировых империй. В заключительной, третьей, главе будут рассмотрены основные последствия ядерной сделки для 4 мировых империй, а также возможные ответные политические и экономические ходы указанных акторов.

Ключевые слова: ядерная сделка, Иран, снятие санкций, Ближний Восток, империи, борьба, региональная власть, Россия, ЕС, Китай, США, баланс сил.

ВВЕДЕНИЕ

14 июля 2015 года Федерика Могерини, Верховный Председатель ЕС по внешней политике и безопасности, представляющий Е3+3 или P5+1 (постоянных членов Совета Безопасности ООН) и Мохамед Джавад Зариф, министр иностранных дел Ирана, заявили о подписании комплексного договора по иранской ядерной программе. Ядерные переговоры по Ирану начались в 2002 году и неоднократно прерывались в связи с расхождением позиций сторон. Однако, в 2012 году был обозначен новый этап (отправными точками стали встречи на высшем уровне в Москве, Стамбуле, Алматы, Женеве и Вене), наступивший в связи с серьёзным ужесточением санкций в отношении Ирана с одной стороны, и так называемой 'Арабской Весной', кардинально изменившей регион, с другой. Последствием трансформации региона стали гражданские войны и появление организации — Исламского Государства (ИГИЛ), как общего врага мира в целом и ближневосточного региона в частности. Результатом долгих переговоров стал временный договор между Ираном и группой государств, известной как 5+1, обозначенный подписанием Совместного Комплексного Плана Действий 15 июля 2015 года. В то время как у Конгресса США было 60 дней на то, чтобы принять или отклонить договор, Совет Безопасности ООН единогласно одобрил его. Хотя во время дебатов, относительно позиции администрации Обамы по Иранскому ядерному договору, были и те, кто негативно и даже с опаской отнеслись к данному соглашению, всё же Сенат США и общественность в СМИ поддержали решение администрации (Katzman, 2015). Одновременно возникла беспрецедентная перспектива развития для Ирана, который до этого времени был фактически закрытой зоной.

Стоит отметить, что СКПД – это соглашение, за которым последуют значительные политические и экономические изменения в расстановке сил на Ближнем Востоке и в общей стратегической картине мира. В этом контексте, ядерный договор – это не просто новая глава в отношениях Ирана с Западом. Это соглашение, которое повлечёт за собой трансформацию Ирана из политически и экономически

изолированной страны в формирующуюся региональную державу, которая станет ядром формирования стратегий западного и не-западного миров. Таким образом, ядерный договор даёт начало новому этапу геополитического и экономического развития ближневосточного региона и, вероятно, повлечёт за собой глобальные последствия.

Данное исследование направлено на то, чтобы дать академическую интерпретацию оценкам соглашения по Ирану со стороны участников процесса, а также сделать попытку определить геополитические, стратегические и экономические последствия указанного события как для самого Ирана, так и для ключевых глобальных акторов, которые многие научные школы определяют, как современные империи. Предметом исследования является гипотетические варианты поведения обозначенных акторов (Иран, США, ЕС, Россия и Китай) в связи со снятием санкций с Ирана. Анализ будет включать гипотезы относительно изменений, последующих в результате сделки, как на международной арене в целом, так и в динамике отдельных субъектов.

Данная тема является актуальной уже много лет, так как регион Ближнего Востока в целом, и Иран в частности, всегда являлись ядром формирования стратегической и экономической политики главных мировых держав. Сегодня же, в связи с грядущим снятием санкций с Ирана, данная тема обретает совершенно иной смысл, так как на международную арену выходит полноправный, сильный, и, что важно, амбициозный игрок. Ближний Восток сегодня это главная мировая арена для осуществления новой политики баланса сил, которая, вероятно, и будет характерной чертой грядущих десятилетий. Это регион, где прямо сейчас разыгрывается первый раунд 'Большой игры', однако положение дел в регионе требует кардинально иного ответа со стороны мировых империй.

Для того, чтобы проанализировать сложившуюся ситуацию и спрогнозировать возможное поведение послесанкционного Ирана и ответные реакции четырёх мировых империй, необходимо задействовать различные методологические инструменты.

Первым и основополагающим инструментом в попытке ответить на данный вопрос будет сценарный анализ. Сценарий в данном случае будет пониматься как гипотетическая последовательность событий, выстраиваемая с целью выявления причинных процессов, следствия и последующих решений. Посредством данного

метода, будет сделана попытка определить в какой последовательности может развиваться рассматриваемая ситуация, а также какие альтернативы существуют для задействованных в рамках рассматриваемого вопроса политических акторов в том случае, если они будут придерживаться предполагаемому сценарию, или постараются его изменить. Помимо причинно-следственной событийной последовательности, в данной работе будет задействован и ситуационный подход, подразумевающий прогнозирование будущей гипотетической ситуации, которая возникнет вследствие осуществления сценария. В совокупности с другими методиками, данный подход позволит дать наиболее точный прогноз для будущего развития событий в созданных рамках.

Для ответа на поставленный в работе вопрос, необходимо обозначить рамки взаимоотношений, а также их участников, которые реализуют свои интерактивные способности в этих рамках. Так как данная работа содержит в себе элементы гипотетической модели, необходимо понимать, что речь будет идти о сценарно-логическом будущем, основанном на анализе предшествующих событий и взаимодействий акторов. В рамки исследования в первую очередь будут входить взаимодействие Ирана и наиболее активных международных игроков в ближневосточном регионе (США, Китай, ЕС, Россия). В рамки анализа войдут как геополитические и стратегические, так и экономические аспекты. Более того, будут рассмотрены и политико-религиозные аспекты политики Ирана, от которых во многом зависит принятие любых внешнеполитических решений.

Для того, чтобы спрогнозировать гипотетическое поведение в предложенных нами рамках, необходимо провести всесторонний обзор и анализ литературы по теме, с целью выявления уже существующих взглядов на решение задачи, а также создания логической цепочки дальнейшего развёртывания событий. Подробный анализ литературы и дальнейший синтез исторических фактов и современных политических теорий баланса сил и обоснования академической значимости имперской парадигмы позволят дать наиболее объективную академическую оценку рассматриваемого вопроса.

1. МОТИВАЦИИ ПОЛИТИКИ ИРАНА

Для того, чтобы спрогнозировать предполагаемые варианты поведения Ирана, необходимо принять во внимание аспекты, которыми руководствуется Иран в процессе формирования своей внешней политики. Данный анализ поможет выявить причинно-следственную связь тех или иных действий и, таким образом, продолжить существующую логическую цепочку дальнейших гипотетических действий Ирана.

Внешняя политика Ирана является продуктом скрытых, а иногда и противоречивых мотивов. Описывая напряжение, обусловленное данными противоречиями, один эксперт заметил, что Иран постоянно сталкивается с выбором между «национальным и причинным» (Bowen, 2015). Подчас складывается впечатление, что лидеры Ирана постоянно взвешивают относительные императивы своей государственной революционной и религиозной идеологии относительно национальных интересов и нужд. Рассмотрим основные факторы, которые обуславливают внешнюю политику Ирана. Данное рассмотрение поможет выявить основные мотивы, которые, вероятнее всего, будут влиять на дальнейшие внешнеполитические решения.

1.1 Понимание угрозы

Очевидно, что власть Ирана, в той или иной степени, воспринимает позицию США и их союзников как угрозу для режима страны и национальных интересов. Несмотря на многочисленные заявления официальных лиц США о том, что Соединённые Штаты не стремятся к смене режима в Иране, Верховный Лидер Али Хаменеи неоднократно заявлял, что США никогда не принимали Исламскую революцию и пытались добиться смены режима. Согласно позиции Хаменеи, для попытки смены режима в Иране применялись различные действия,

такие, как поддержка внутренней оппозиции Ирана, введение экономических санкций, а также оказание военной или иной поддержки региональным противникам Ирана (Khamene'i, 2014).

Иранские лидеры утверждают, что поддержка со стороны США военного присутствия в регионе Персидского залива и других странах, говорит о возможном намерении США напасть на Иран, в случае если проводимая Ираном политика будет рассмотрена Соединённым Штатам как враждебная (Slavin, 2014). Некоторые официальные иранские СМИ утверждают, что США не только поддерживают суннитские режимы и движения, которые активно противодействуют Ирану, но также создают и уполномочивают радикальные суннитско-исламистские экстремистские группировки такие, как, например, организация «Исламское Государство» (Mostaghim, 2014).

1.2 Идеология

Идеология Исламской революции 1979 года продолжает оказывать влияние на формирование внешней политики Ирана до сих пор. Революция свергла светского лидера, шаха Ирана, который подавлял ислам и его духовенство. Революция установила клерикальный режим, при котором верховная власть находится в руках Верховного Лидера, который наделён политической и религиозной властью. В первые годы после революции Иран пытался экспортировать революцию в близлежащие мусульманские государства. Однако к концу 1990х годов Иран отказался от этой цели, так как единственное, что удавалось достичь – нарастание сопротивления в регионе (Cagartaу, 2015).

Иранские лидеры утверждают, что экономические и политические структуры на Ближнем Востоке в значительной степени направлены против «угнетённых» народов и в пользу США и их союзников, в частности, Израиля. Под «угнетёнными» народами, как правило, понимаются палестинцы, которые фактически не имеют собственного государства и мусульмане-шииты, которые составляют меньшинство во многих странах региона, а также не представлены в

политических структурах и находятся в неблагоприятном экономическом положении (Вартанян, 2006, 94).

Иран требует, чтобы политика и экономика региона была освобождена от западного вмешательства и экономического господства. Официальные лица Ирана в своих выступлениях нередко приравнивают создание Израиля к зарождению западного вмешательства, которое, по мнению Ирана, лишило палестинцев законных прав (Манучихри, 2007, 186).

1.3 Национальные интересы

Национальные интересы Ирана, пересекаясь, а иногда и усложняя идеологию страны, также формируют внешнюю политику. Иранское руководство, подчёркивая хорошо развитую цивилизацию и историческую независимость, претендует на право быть признанной великой державой в ближневосточном регионе. Лидеры страны часто противопоставляют Иран шести другим монархическим странам региона (Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, Катар, Бахрейн и Оман), которые составляют Совет Сотрудничества Стран Персидского залива (GCC). Некоторые действия Ирана показали, что иногда он готов отступить от своей приверженности к помощи шиитам в целях продвижения собственных геополитических интересов. Например, Иран поддерживает населённую христианами Армению, а не шиитский Азербайджан, в частности, с той целью, чтобы избежать распространения национализма в крупную азербайджанскую диаспору Ирана. Также Иран, как правило, воздерживался от поддержки исламистских движений в Центральной Азии, в частности, чтобы избежать обиды со стороны России, которая является наиболее важным поставщиком вооружений и технологий в Иран, а также союзником в поддержке сирийского президента, алавитяка, Башара Аль Асада.

1.4 Фракционные интересы

Внешняя политика Ирана зачастую отражает разнящиеся подходы и взгляды среди ключевых игроков и фракций. Известно, что Верховный Лидер

Аятолла Али Хаменеи имеет последнее слово в решении всех внешнеполитических вопросах. Хаменеи повсеместно считается приверженцем жёсткой идеологической линии, которая выражается в глубоком недоверии к намерениям США в отношении Ирана. Последовательный рефрен Хаменеи, и название его книги, широко распространённой в Иране, – «Я революционер, не дипломат» (Erdbrink, 2014). Лидеры Корпуса Стражей Исламской Революции (КСИР), организации военной и внутренней безопасности, стабильно выражали поддержку позиции Хаменеи по внешнеполитическим вопросам. Хотя Хаменеи и негласно поддержал ядерный договор, после окончательного его одобрения Верховный Лидер неоднократно заявлял, что ни внешняя политика Ирана, ни его приверженность к противостоянию позиций США, не потерпят изменений в следствии заключённого договора (Khalaji, 2015). Руководство КСИР хоть и критиковало ядерный договор, однако не могло подорвать его одобрение, и делало заявления, аналогичные заявлениям Хаменеи относительно будущего внешней политики Ирана. Тем не менее, более умеренная верхушка иранской власти, такая, как действующий президент Рухани и всё ещё оказывающий серьёзное влияние, бывший президент Али Акбар Хашеми Рафсанджани, утверждают, что Ирану не следует иметь никаких «постоянных врагов», и что прагматичная внешняя политика непременно приведёт к ослаблению международных санкций и усилению поддержки Иранской позиции на Ближнем Востоке. Такая позиция получила поддержку со стороны молодёжи и интеллигенции Ирана, которые утверждают, что Иран должен занять такую позицию относительно своей внешней политики, которая позволит избежать мировой изоляции и достигнуть большей интеграции в международное сообщество (Khalaji, 2015). В отличие от Хаменеи, 13 сентября 2015 года президент Ирана заявил, что ядерное соглашение – это «начальный пункт в создании дружеской атмосферы и сотрудничества с различными странами» (Erdbrink, 2015).

Некоторые деятели Ирана, в том числе и бывший президент (1997-2005) Мохаммед Хатами считаются реформистами. Реформисты, как правило, больше сосредоточены на проведении внутренних реформ, а не на резких изменениях во внешней политике. Однако на сегодняшний исторический момент, большинство

ведущих реформистов находятся в тени и не имеют значительного влияния на внешнюю и внутреннюю политику.

1.5 Политики-идеологический аспект внешней политики Ирана

Для прогнозирования дальнейших вариантов поведения Ирана, важно рассмотреть политическую систему ценностей. Необходимо понимать, что идеология и национальные интересы всегда были и будут первостепенными для Исламской Республики, а значит ситуация будет развиваться в том русле, к которому будет склонна действующая власть Ирана.

Когда в 2002 году секретная ядерная программа была разоблачена, руководители различных ветвей власти Ирана предложили выбрать ответственное лицо по данному вопросу, и был избран прагматик - Рухани. В то время как Рухани считается центристским или умеренным в рамках фундаменталистской правящей олигархии, он точно не является центристом в плане иранской политики. Основными целями Рухани в контексте ведения внешней политики Ирана является попытка избежать или отсрочить дело Ирана из так называемого управляющего совета МАГАТЭ и переместить его в Совет Безопасности ООН для того, чтобы избежать санкций, сохраняя при этом ядерную программу Ирана. Его планом также был обман европейцев, с целью выигрыша времени для Ирана в развитии своей ядерной программы. После разоблачения ядерной программы, Ирану уже удалось преодолеть технологические барьеры в овладении полного топливно-ядерного цикла. Рухани рассуждал, что страна уязвима до тех пор, пока она находится на пороге освоения полного топливного цикла или же в начале сборки атомной бомбы. Таким образом, можно сделать вывод что Рухани использует дипломатию для того, чтобы дать Ирану время для завершения своей ядерной программы (Kazamzadeh, 2014).

Разрушающаяся экономика Ирана и стала причиной для потери популярности сторонников жёсткого курса и тем самым позволила Рухани быть избранным президентом. Экономические санкции, а в особенности санкции ЕС и США 2012 года, значительно снизившие возможности Ирана в плане продажи нефти, имели тяжелейшие последствия для экономики Ирана. Согласно отчёту

Всемирного Банка, в июне 2013 года — среднегодовой уровень роста внутреннего валового продукта Ирана между 2000 и 2009 годами составлял 4.6%. Годовые темпы роста ВВП на 2010 год составляли 5.9%; в 2011 – 1.7%; а в 2012 – 1.9% (Global Economic Prospects, 2013, 175). В том же докладе отмечалось, что уровень инфляции в Иране за эти года составлял более 40%, что ставило Иран на третье место среди стран с самым высоким уровнем инфляции.

Многие санкции могли быть сняты, лишь в случае фундаментальных изменений во внешней политики Ирана. Изначально, Рухани просто пытался убедить Хаменеи принять во внимание его политические предложения относительно американо-иранских отношений, ядерных переговоров с P5+1 и Сирии. Разрыв власти на тот момент был слишком велик, чтобы просто бросить вызов власти Хаменеи. Тематами для обсуждения стали вопросы относительно того, какая тактика и политика будет лучшей для реализации интересов Исламской республики и верховного лидера в долгосрочной перспективе (Kazamzadeh, 2014, 127-137).

Хаменеи необходимо было решить, принять или отвергнуть предложения Рухани по политическим изменениям. Следует отметить, что в Исламской республике большим влиянием обладает консервативный блок во главе с аятоллой Хаменеи. В связи с этим последнее слово в Иране принадлежит именно верховному лидеру, чье мнение превалирует над позицией президента. У Хаменеи есть три возможности: принять основные изменения, предложенные Рухани; отклонить предложения Рухани и использовать своё превосходство для того, чтобы сдерживать Рухани, если тот откажется подчиняться; отвергнуть предложения Рухани, после чего использовать дипломатические возможности Рухани с целью прекращения дальнейших санкций и использования выигранного тем самым времени для разработки ядерной программы (при условии того, что Рухани согласится на это).

Можно было бы предположить, что Хаменеи принял предложения по политическим изменениям от Рухани в том случае, если бы Иран договорился уполномочить представителей высокого уровня для проведения переговоров с США с целью решения главных противоречий между двумя сторонами и /или если бы Иран предложил или же принял далеко идущие предложения с P5+1.

Также возможно было бы утверждать, что Хаменеи отверг предложения Рухани, в том случае, если бы ничто не предвещало изменений или же Рухани подал бы в отставку. Более того, очевидным был бы тот факт, что Хаменеи решил не подвергать свою политическую линию предложенным изменениям, а Рухани согласился сотрудничать исключительно по дипломатическим вопросам, если бы к октябрю-ноябрю 2013 года произошли бы лишь незначительные изменения во внешней политике Ирана. Однако события, произошедшие между июлем 2013 и ноябрём 2014 года, наглядно показали, что Хаменеи принял политику Рухани, по крайней мере на сегодняшний день. Непонятным остаётся сколько времени было предоставлено Рухани для реализации поставленных целей и есть лишь вообще эти временные рамки.

Время в данном контексте имеет серьёзное значение, если Иран реализует секретную программу по созданию ядерного оружия. Пан Ги Мун, генеральный секретарь ООН, к примеру, считал тогда, что Хаменеи тянул время с целью завершения своей программы по созданию ядерного оружия (Gearan, 2013). Такая сдержанная, буксирующая тактика, которая заключается в том, чтобы делать или позволять предпринимать маленькие шаги, предлагая незначительные изменения и предпринимая косметические меры, при этом позволяя продолжать программу по обогащению урана, даёт иранским учёным-ядерщикам необходимое время для завершения ядерной программы.

Консенсус мирового сообщества, как показала значительная часть резолюций Совета Безопасности ООН, заключался в том, что Ирану необходимо было прекратить любую деятельность, связанную с обогащением урана. Такая договорённость была разрушена 24 Ноября 2013 года соглашением между Ираном и P5+1, которое допустило обогащение урана, однако на низком уровне. К январю 2014 года, благодаря политике Рухани, Ирану удалось прекратить дальнейшие санкции от стран ЕС, США и ООН и, более того, удалось добиться снятия некоторых существующих санкций, при этом сохраняя программу по обогащению урана и сопутствующие инфраструктуры.

Первичными целями Рухани являлись сохранение клерикального режима и экономического развития. Рухани — прагматик, готовый пойти на компромисс, чтобы избежать войны с США. В то время как Хаменеи идеолог, имеющие

взгляды часто неприемлемые для Рухани. Учитывая изменчивость политики Ирана, позиция и влияние Рухани можно назвать ненадёжной. Поэтому то, как долго политика Рухани останется жизнеспособной, во многом зависит от Хаменеи и силы фракций- приверженцев жёсткой позиции (Kazamzadeh, 2014, 127-137).

Подводя промежуточный итог, важно ещё раз отметить, что именно действующая власть Ирана обуславливает дальнейший курс внешней политики страны. И на сегодняшний момент, учитывая дипломатическое смягчение в риторике Ирана, а также постепенный выход страны из политической и экономической изоляции, можно сделать вывод, что верховный лидер принял предложенный Рухани курс ведения внешней политики, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Учитывая это, мы можем предположить, что Иран, пользуясь своей буксирующей сдерживающей тактикой, даёт время своим учёным для завершения ядерной программы с одной стороны, и в то же время, смягчая свою позицию на международной арене, позволяет стране трансформироваться из экономического и политического изгоя в формирующуюся державу в ближневосточном регионе.

Важно понимать, что Иран (а в особенности аятолла Хаменеи, пользующийся наибольшим влиянием в стране) — до сих пор воспринимает США и их союзников как потенциальную дипломатическую, геополитическую и военную угрозу для режима и национальных интересов Ирана. Этот факт затрудняет, а порой и ставит под сомнения дипломатическое, стратегическое и экономическое сотрудничество двух стран, даже в условиях смягчения санкций. Более того, учитывая тот факт, что Исламская революция до сих пор оказывает значительное влияние на формирование внешней политики Ирана, можно с уверенностью сказать, что основополагающими идеологическими целями Ирана являются освобождение ближневосточного региона от любого западного вмешательства и предоставление 'угнетённым народам' их законных прав. В этом контексте интересы Ирана и США противопоставлены друг другу, что ещё больше усложняет потенциальную возможность сотрудничества между двумя странами. Важно отметить и то, что Иран давно претендует на роль гегемона в ближневосточном регионе, и как показывает история, геополитические интересы Ирана превалируют над любыми другими, что исключает возможность коренных

стратегических изменений во внешней политике Исламской республики. Однако, учитывая сложность и противоречивость политической структуры Ирана, невозможно с уверенностью сказать, что внешняя политика Ирана не потерпит никаких изменений. В данном контексте важно отметить тот факт, что позиция действующего президента, более умеренного в своих внешнеполитических взглядах и подходах, получает всё больше поддержки среди населения Ирана. Однако последнее слово в Иране остаётся за верховным лидером, который исключает возможность изменения курса внешней политики Ирана, особо подчёркивая свою приверженность к противостоянию интересам США.

2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРАНА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИИ

2.1 Характерные черты внешней политики Ирана

Внешняя политика Ирана — это прежде всего продукт многих, а иногда и противоборствующих факторов: идеология исламской революции Ирана; восприятие господствующими силами Ирана потенциальных угроз их режиму и стране в целом; устоявшиеся национальные интересы Ирана; а также своеобразное взаимодействие между собой различных политических фракций. Многие эксперты утверждают, что основной целью внешней политика Ирана является коренное изменение структуры власти на Ближнем Востоке (Ehteshami, 2014). Иран определяет свою поддержку шиитов и других исламистских движений, как поддержку «угнетённого» люмпенизированного слоя. Другие интерпретируют Иранскую внешнюю политику скорее, как практическую, нежели идеологическую – попытку защитить Иран от внешних вмешательств (Levitt, 2012).

Внешняя политика Ирана задействована буквально во всех регионах мира, однако, главным акцентом Иранской внешней политики является ближневосточный регион, в том числе и деятельность других стран в этом регионе. Именно на примере ближневосточного региона видно, как все компоненты внешней политики Ирана взаимодействуют. Важной чертой внешней политики Ирана является её направленность на взаимодействие или влияние на действия крупных мировых империй, таких как ЕС, США, Россия и Китай в ближневосточном регионе.

Иран использует различные инструменты для реализации своей внешней политики. Некоторые из политических инструментов Ирана являются весьма традиционными и применимыми практически во всех странах мира – традиционная дипломатия; продвижение ценностей и интересов Ирана на международных собраниях, а также поддержка тех групп/лиц/стран, которые ведут свою внешнюю политику

доброжелательно по отношению к Ирану. Другие же инструменты, которые использует Иран, являются неприемлемыми для других стран, в частности для США и их союзников: Иран обеспечивает прямую материальную поддержку вооруженным группировкам, действующим на территории Ближнего Востока и в других регионах. Некоторые из этих вооружённых групп выступают против Арабских государств, с которыми Иран находится в разногласии; другие, поддерживаемые Ираном группы, используют террористическую тактику и вооружённые действия с целью запугивания или нанесения ответных ударов на Израиль и других региональных оппонентов Ирана (Levitt, 2012).

Также стоит отметить, что иранская внешняя политика в той или иной степени направлена на ликвидацию или хотя бы смягчение негативных последствий международных санкций, наложенных на Иран. Некоторые аспекты внешней политики Ирана могут существенно измениться, в связи с одобренным соглашением между Ираном, США и другими странами-партнёрами от 14 июля 2015 года. Предполагается, что договор приведёт к ликвидации многих международных санкций, которые тормозили экономику Ирана, а также к завершению ряда намеченных региональных транспортных и энергетических проектов. Ядерное соглашение, именуемое как Совместный Комплексный План Действий, может послужить Ирану дополнительным стимулом для того, чтобы умерить свою внешнюю политику с целью недопущения повторных пакетов санкций. С другой стороны, некоторые эксперты утверждают, что заключённое соглашение предоставит Ирану больше возможностей для финансирования такой политики и таких фракций, цели которых идут вразрез с интересами США и других партнёров по ядерному соглашению (Ntousas, 2015). С тех пор как СКПД был окончательно одобрен, Верховный Лидер Ирана, Аятолла Али Хаменеи, неоднократно заявлял, что данное соглашение не повлечёт за собой никаких изменений во внешней политике Ирана. Напротив, президент Рухани отметил, что СКПД – является отправной точкой «для создания атмосферы дружбы и сотрудничества с различными странами» (Rouhani, 2015).

2.2 Перспективы трансформации

Существует целый ряд факторов, который может привести к отклонениям от привычного курса внешней политики Ирана. Верховный лидер Ирана, с тех пор как Совместный Комплексный План Действий был окончательно одобрен, неоднократно заявлял, что соглашение не приведёт к значительным изменениям во внешней политике Ирана и к более широкому сотрудничеству с Соединёнными Штатами Америки. Президент Рухани, напротив, заявил, что СКПД является отправной точкой для создания атмосферы дружбы и сотрудничества с различными странами.

Некоторые эксперты и чиновники, включая премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху, утверждают, что снятие широкого ряда санкций, предусмотренное по договору СКПД, обеспечит увеличение финансовых и прочих ресурсов Ирана, которые пойдут на финансирование и вооружение региональных фракций, действия которых направлены против интересов США (In Arab World, 2015). Другие же утверждают, что Иран захочет продемонстрировать тот факт, что ядерное соглашение не заставит Иран отказаться от своей идеологии и что Иран, скорее всего, попытается усилить своё влияние в регионе (Kenneth, 2015).

Некоторые также утверждают, что ядерная сделка может предоставить Ирану высокую степень легитимности влияния на политику США, чего Иран был лишён начиная с 1979 года (Public Saudi, 2015). Те, кто выступают в поддержку данного аргумента утверждают, что внешняя политика Ирана может стать ещё более сложной задачей для США и их союзников, чем это было до подписания ядерного договора.

2.2.1 Потенциальные стратегические ходы Ирана

Существует множество потенциальных ходов Ирана после отмены санкций. Рассмотрим некоторые из них. Смягчение санкций может позволить Ирану приобретать, легально или нелегально, технологии для повышения точности ракет, поставляемых Хэзболла и Хамас. Смягчение санкций в сочетании с отменой в течении пяти лет запрета ООН на продажу оружия в Иран, позволит Ирану модернизировать свои вооружённые силы. Иран может принять решение об увеличении помощи радикальным оппозиционным фракциям Бахрейна, которым прежде удавалось добиться значительного прогресса в подрыве государственного контроля над страной. Иран может использовать дополнительные средства для вербовки новых шиитских боевиков для

того, чтобы воевать в интересах Асада. Такие действия могут помочь Асаду в борьбе против повстанцев, поддерживаемых США и их союзниками, а также против сил Исламского Государства на территории Сирии. Ре-интеграция Ирана в международное сообщество позволит Ирану расширить его отношения со странами Латинской Америки и Африки, которые до сих пор казались неприемлемыми в мировом сообществе.

Однако в случае с Ираном, стоит понимать, что есть вероятность неблагоприятных действий со стороны США и их союзников. Поэтому контраргументом в данном случае является тот факт, что ядерное соглашение является для Ирана неким стимулом для того, чтобы избежать действий, которые могут спровоцировать США и их союзников вернуть прежние или даже ввести новые санкции.

Ядерный договор также может усилить позиции умеренной группы Ирана, для которой немаловажным является улучшение международной репутации Ирана (Khalaji, 2015). Соглашение также может дать толчок для укрепления ирано-американского сотрудничества по региональным вопросам. Должностные лица США, например, заявляют, что внутренние экономические и политические трудности в ближневосточном регионе в малой или значительной степени, но ограничат Иран в плане направления финансовой прибыли, полученной в связи с выполнением ядерного договора, на политические действия, противоречащие интересам США и их союзников (Ntousas, 2015).

Существуют множество возможных вариантов изменения внешней политики Ирана, которые в той или иной степени будут проводиться в интересах США. Можно предположить следующие ходы: Иран и США могут начать непосредственно сотрудничать против Исламского Государства в Ираке, а также Иран может уменьшить поддержку Асада и перейти на сторону такого политического решения, при котором Асад будет вынужден покинуть свой пост; Саудовская Аравия и Иран потенциально могут прийти к политическому решению в отношении Йемена; Иран и ОАЭ смогут, наконец, разрешить спор по поводу Абу-Муса и двух островов Томб в Персидском заливе. Иран, вероятно, сможет получить одобрение на присоединение к ВТО. Отмена санкций может дать толчок для совместной работы Ирана, Азербайджана и международных энергетических компаний в целях расширения совместных проектов по разработке энергетическим месторождений в каспийском море. Ослабление санкций может привести к прогрессу в плане разработки совместных газопроводов между

Ираном, Кувейтом, Бахрейном и Оманом. Планируемое строительство ирано-пакистанского газопровода может быть доведено до конца в том случае, если угрозы от санкций, направленные на фирмы, участвующие в проекте, будут ликвидированы. Индия, скорее всего, активизирует свои усилия по разработке Иранского порта Чахбехар в случае, если противодействие США в отношении данного проекта снизится. Как Индия, так и Пакистан могут попытаться расширить своё военное сотрудничество с Ираном.

2.2.2 Экономические перспективы ре-интеграции Ирана на международный рынок

Безусловно, западные компании намерены открывать новый бизнес в послесанкционном Иране. В начале 2000-х американские крупнейшие компании, такие как Chevron и Conoco чётко высказались по поводу своей заинтересованности в развитии Иранских нефтяных месторождений (Maximilian, 2014, 290-307). Европейские компании, такие как, французская Total SA, итальянская ENI и BP также стремятся к возобновлению нефтяных инвестиций в Иран. Многие из них еще долго продолжали работать в Иране, в то время как американские коллеги приостановили работу. Однако после санкций 2011-2012 года были вынуждены покинуть Иран.

Тегеран также стремится к возобновлению западных инвестиций в нефтяную и газовую промышленности. До сих пор, западные нефтяные компании осторожничают во взаимоотношениях с Ираном. Однако, временный договор по ядерной программе может ослабить напряжённость между Ираном и США и положить конец существующим санкциям. Но едва ли Вашингтон снимет все санкции до тех пор, пока Тегераном не будут выполняться условия касательно поддержки терроризма и нарушения прав человека. Поэтому американские компании скорее всего будут воздерживаться от инвестиций до тех пор, пока все санкции не будут сняты.

Возобновлённый нефтяной и газовый экспорт Ирана скорее всего будет иметь глобальные последствия. Во-первых, возвращение Ирана на международный рынок и увеличение добычи нефти смогут компенсировать нарушения поставок – и как следствие скачков в цене на нефть – возникших в результате политических кризисов в Ираке, Ливии и других конфликтных зонах. Также возвращение Ирана позволит сдерживать цену на нефть на низком уровне: 7 апреля 2015 года администрация энергетической

информации США отметило, что полное снятие санкций с Ирана, возможное при полной ядерной сделке, позволит снизить цену на нефть до 5 - 15 \$ за баррель (Ngai, 2015).

Во-вторых, увеличение производства может создать больше возможностей для стран, зависящих от импорта нефти, особенно если учитывать растущую нужду в нефти в развивающемся мире. Такие страны, как Япония и Южная Корея уже зависят от Иранской нефти. Наряду с Китаем, Индией и Турцией, они скупают практически всю экспортируемую топливную жидкость. (См. Рисунок 1.)

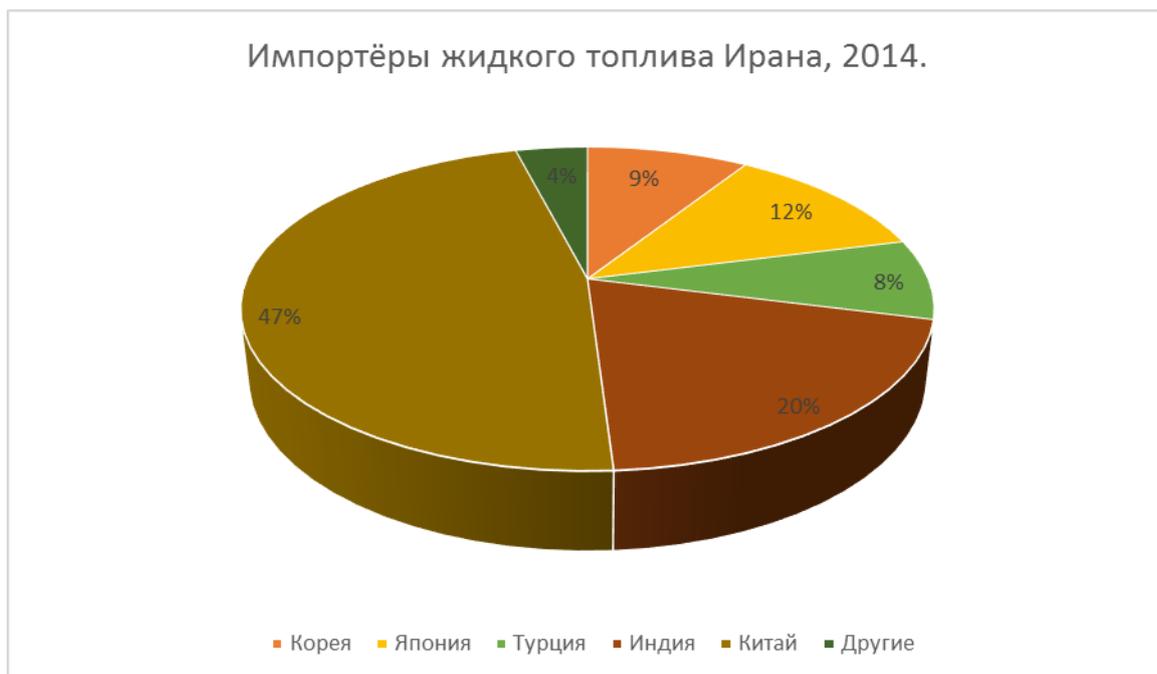

Рисунок 1. Импортёры жидкого топлива Ирана, 2014 год. Источник: *The Iran Primer*, 2014

В-третьих, возвращение Ирана на мировой рынок будет иметь и геополитические последствия, которые могут стать сокрушительными для России, которая является крупнейшим поставщиком газа и нефти в Европу. Сложившиеся напряжённые отношения между Европой и Россией, обусловленные российско-украинской войной, в данном случае могут стать толчком для того, чтобы Иран стал новым энергетическим центром для Европы. Официальные лица Ирана уже открыто говорили о предоставлении альтернативы для европейских энергетических нужд. В сентябре 2014 года, Рухани заявил президенту Австрии, – Хайнцу Фишеру, что «Иран может стать безопасным энергетическим центром Европы» (Geranmayeh, 2014).

Иран обладает почти 17% запасов природного газа в мире. Именно в Иране пролегает Южный Парс, крупнейшее месторождение природного газа в мире. Согласно оценкам экспертов, Иран может начать поставки газа в Европу уже к 2020 году, при условии того что все санкции будут сняты (Glenn, 2015). Более того, возобновление нефтяной промышленности Ирана может негативно сказаться на существующем балансе среди всех нефтяных держав. Многие страны будут чувствовать давление в связи с возобновлением экспорта Иранской нефти. — И первыми в списке окажутся нефтедобывающие страны, в том числе и некоторые соседние государства, которые уже чувствуют угрозу со стороны Тегерана. Они столкнутся с новым сильным конкурентом на мировом нефтяном рынке.

На основании данной главы можно сделать определённые выводы относительно потенциальных ходов Ирана, обусловленных подписанием ядерного договора СКПД. Взгляды экспертов на то, какой курс выберет Иран в формировании своей внешней политики и будет ли он коренным образом трансформирован разнятся. Однако, в данном вопросе, важно принять во внимание то, что Иран находится в состоянии разрушающейся экономики и политической изоляции с одной стороны, однако имеет перспективу выхода на международную арену как полноценного экономического и геополитического актора, при выполнении всех условий договора, с другой. СКПД в данном случае, скорее всего, послужит стимулом для того, чтобы избежать повторного наложения пакета санкций. Противники данного аргумента выступают с предположениями, что договор, напротив, усилит позицию Ирана в регионе и, тем самым, усложнит и без того непростые отношения между Исламской республикой и США. Сторонники данного аргумента считают, что СКПД обеспечит приток денежного капитала в Иран, который пойдёт на финансирование региональных военных группировок, действия которых направлены против интересов США и их союзников. Однако, внутренние экономические и политические трудности региона ограничат Иран в плане направления финансовой прибыли, полученные в связи с подписанием ядерного договора, на политические действия, противоречащие интересам США и их союзников, особенно учитывая растущую поддержку умеренной политической группы Ирана.

Более того очевидным является и тот факт, что как со стороны самого Тегерана, так и со стороны Запада присутствует обоюдное желание для дальнейшего экономического сотрудничества. Однако, в данном контексте, серьёзной преградой на

пути к такому сотрудничеству является нестабильность Ирана на международной политической арене, а значит и сомнения в надёжности Тегерана со стороны западных компаний. Более того, сдерживающим станет и тот факт, что с Ирана будут сняты лишь вторичные санкции, а санкции, затрагивающие вопросы терроризма и прав человека останутся в силе, что не позволит Ирану в полной мере реализовать свои экономические и геополитические амбиции. Однако последствия возвращения Ирана на международную арену, скорее всего, повлекут за собой глобальные последствия, хотя бы потому, что будет открыт один из крупнейших нефтяных рынков мира. Это в свою очередь, приведёт к дестабилизации баланса среди нефтяных держав, к дальнейшему снижению цены на нефть, а также к серьёзной угрозе для экономики РФ, так как Иран в последствии может стать новым рынком нефти для Европы.

3. ИРАН В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЧЕТЫРЁХ ИМПЕРИЙ

«Термин 'империя' обозначает значительную территориальную единицу, обладающую глобальным военным, экономическим и дипломатическим влиянием» (Colas, 2007, 3-26). Более того, действия империи так или иначе, но накладывают существенные ограничения на различные формально суверенные или автономные государства. Такие государства рассматриваются как своеобразные периферии, находящиеся под контролем и руководством империалистического центра. Другими словами, империя – это прежде всего «контроль Метрополиса над различными периферическими акторами посредством формальной аннексии или же различных форм экономического и политического доминирования. Однако, на такой формулировке и заканчивается достигнутый многими научными исследователями консенсус» (Zielonka, 2012, 502-525).

В контексте данного исследования, крайне важно дать чёткое обоснование имперскому статусу рассматриваемых нами акторов, а именно – США, Китай, Россия и ЕС. Все 4 державы являются глобальными субъектами в различных сферах. В плане безопасности, например, Россия и США обладают внушительным ядерным арсеналом, способным «держат весь мир в 'заложниках'» (Zielonka, 2012, 502-525).

ЕС и Китай, являясь ключевыми глобальными экономическими силами, не отстают и в сфере безопасности, играя одну из решающих ролей в многочисленных международных миротворческих операциях.

В области дипломатии, практически невозможно представить заключение глобального договора или проведение международных дискуссий без участия и согласия всех 4ёх рассматриваемых субъектов.

Важно отметить, что ЕС, Китай, США и Россия, все, так или иначе являются контролирующим мегаполисом для соответствующих им периферий. Фактически, США пытается обращаться со всем миром, как с подконтрольной периферией, и не

воздерживается от введения серьёзных внутренних ограничений как на своих врагов, так и на союзников, во имя реализации собственных интересов. ЕС же постепенно расширил свой контроль над большей частью восточной Европы и Балканами посредством рационального использования условий членства в ЕС.

Россия, в свою очередь, 'держит в узде' страны, именуемые «ближней заграницей», за счёт энергетических кредитов и военной мощи. Россия до сих пор обладает собственными установками и базами в Грузии, Украине, Белоруссии, Киргизстане, Казахстане и Молдавии, и пытается оказывать влияние на результаты выборов в этих формально суверенных странах (Zielonka, 2012, 502-525).

Китай постепенно берёт под свой контроль Гонконг и Макао, и не позволяет Тайваню действовать как суверенное государство. Он также использует свои экономические и политические рычаги для формирования внутренней политики стран, которые находятся в сфере особых интересов Китая. Как Россия, так и Китай неоднократно применяли силы в так называемых перифериях: Дагестане и Чечне в случае России; и на Тибете и Синьцзяне в случае с Китаем. Все 4 страны рассматривают себя как своеобразных агентов прогресса и мира, не только на территории своих периферий, но и по всему миру. Они считают, что их политикой движут не только эгоистичные национальные интересы, а, наоборот, добродетельные, и даже, альтруистические миссии, заключающиеся в цивилизации внешней среды (Zielonka, 2012). Как заметил Джон Айкенберри - «США делают свою мощь безопасной для остального мира, а остальной мир даёт согласие жить в порядке, в основе которого заложена «американская система» (Ikenberry, 2002, 296). Несмотря на наличие факта политического вмешательства и военной интервенции, ни одна из четырёх империй никогда не сомневалась в своих благородных намерениях.

Таким образом, можно сделать вывод, что по крайней мере 4 современных субъекта могут быть классифицированы как империи. Империи заведомо вмешиваются в дела так называемых периферий, в том числе и тех, что формально являются суверенными государствами. Характер таких внешних вмешательств зависит от нескольких факторов: системы управления в мегаполисе; типа границы, отделяющий мегаполис от периферий; и соответствующей той или иной империи миссии цивилизации. Такие цивилизаторские миссии, во многом, определяются не просто

рациональными подсчётами империй, а сложными историческими, культурными и идеологическими процессами.

3.1 Роль Ирана в процессе формирования внешней политики США

Иран не всегда имел первостепенное значение при формировании внешней политики США. Исламская Республика впервые обрела важное значение для внешней политики США с окончания Второй Мировой Войны и падения Британской империи. После секретной американо-британской операции 1953 года (операция «Аякс»), свергнувшей премьер-министра Мохаммеда Мосаддыка, к власти в Иране пришёл шах (Игнатченко, 2011). Во времена правления шаха, отношения между США и Тегераном складывались благополучно; и более того, США в то время были одними из самых важных поставщиков военной техники в Исламскую Республику. Сотрудничество между странами включало в себя и техническую помощь в разработке ядерной программы, которая была запущена в 1960 году. Администрации Никсона и Форда рассматривала Иран как «первостепенного защитника» американских интересов в ближневосточном регионе. Однако, революция 1979 года привела к падению монархии и созданию временного революционного правительства (Sivan, 1990, 244). Во главе революции стоял аятолла Рухолла Хомейни, ближайший соратник нынешнего верховного лидера Ирана. Общество Ирана поддержало идею создания новой Иранской конституции, которая предусматривала клерикальный контроль над правительством. В течении последующего года, Соединённые Штаты стали рассматриваться Ираном как «Великий Сатана и враг Ислама», в то время как для США Иран представлял главную угрозу для реализации своих интересов на ближневосточном регионе (Sick, 2015). В целом, две страны начали относиться друг к другу с недоверием и подозрительностью, соглашаясь сотрудничать лишь при вынуждающих обстоятельствах.

После террористической атаки 9\11, основными проблемами новой стратегии национальной безопасности США были названы угроза терроризма и распространение оружия массового уничтожения. Хотя Администрации Буша и удалось привлечь Тегеран к вопросу Афганистана, это сотрудничество было недолгим. В 2002 году были

разоблачены секретное строительство ядерной установки по обогащению урана в Натанзе и тяжеловодного ядерного реактора в Араке, а также растущая поддержка Ираном таких радикальных исламских организаций, как Хэзболла. Впоследствии, Иран во внешней политике США был ознаменован государством-изгоем, которое представляет угрозу посредством распространения массового оружия и поддержки экстремистских организаций, таких, как Хэзболла и Хамас. В 2002 году, Джордж Буш назвал Иран, Ирак и Северную Корею «осью зла», где потенциальная связь между терроризмом и применением оружия массового уничтожения (особенно ядерного оружия) находится на очень высоком уровне (Bush, 2002). В связи с этим, расширение режима санкций и угроза упреждающего военного удара стали центральными элементами политических отношений Тегерана и Вашингтона.

Следующей важной вехой во взаимоотношениях Ирана и США стало Парижское Соглашение от 14 ноября 2004 года, подписание которого стало возможно благодаря усилиям Франции, Германии и Великобритании: именно они убедили Тегеран подписать договор. В соответствии с условиями договора, Иран обязался приостановить все работы по обогащению урана (IAEA, 2004). В обмен на это, США обещали Ирану разрешение на присоединение к ВТО. Однако это соглашение быстро потеряло свою силу, когда президент Махмуд Ахмадинежад вступил в должность в 2005 году. Он перезапустил Иранскую ядерную программу и объявил о продолжении деятельности по обогащению урана в 2006. В мае 2006 года, США заявили, что присоединяются к переговорам с Ираном в формате ЕС-3, и, таким образом, образовался новый формат переговоров, именуемый 5+1 (P5+1). Несмотря на усилия группы 5+1 и переговорщика с иранской стороны, Али Лариджани, никакого реального прогресса не было достигнуто. Последние годы правления администрации Буша были отмечены двумя важнейшими процессами. Первым из них стали принятие резолюции Совета Безопасности ООН, направленное против Ирана, а также начало режима многосторонних санкций, направленный на деятельность Ирана в ядерной сфере, в сфере ракетной программы, а также затрагивающий финансовый сектор страны. Второй процесс был запущен в 2007 году, когда Национальное Разведывательная Управление подтвердило, что Тегеран остановил свою ядерную программу осенью 2003 года. Этот факт, с одной стороны, не оставил ни единого шанса для того, чтобы получить международную поддержку для потенциального превентивного военного удара по Ирану, и сделал маловероятным

осуществление нового раунда санкций ООН против Ирана, с другой. В сложившейся ситуации, администрации Буша пришлось больше чем когда-либо полагаться на так называемую «Программу Свободы», которая пыталась отделить население Ирана от его руководства и обеспечить постоянный поток новостей и «необходимой» информации через радиосети и газеты. Конечной целью данной программы значилось содействие демократии и верховенства закона в Иране (Maloney, 2011). В то время, как администрация Обамы, с одной стороны, продолжила политику санкций и оставила открытым вопрос о потенциальном военном ударе по Ирану, она, однако, изменила дипломатическую риторику США, что сделало очевидным тот факт, что Белый Дом хочет восстановить потерянную политическую связь с Тегераном мирным и дипломатическим путём. Хотя действующий президент США и подчеркнул, что нормализация отношений напрямую зависит от разрешения ядерного спора. Несмотря на попытки пропаганды США в Исламский мир, в первый срок правления администрации Обамы не удалось преодолеть взаимное недоверие США и Ирана. Кроме того, переговоры осложнялись политической нестабильностью, охватившей весь регион и изменившей стратегические расчёты обеих сторон. Избрание президента Рухани в июне 2013 года, наконец, привнесло позитивные изменения в двусторонние отношения между Ираном и США, а также дало значительный рывок переговорам между Ираном и группой 5+1. Несколько раундов переговоров, длившихся более чем 20 месяцев, наконец, привели к дипломатическому прорыву - «Совместный План Действий» был подписан в Женеве в ноябре 2013 года, затем «Рамочное Соглашение» в Лозанне в апреле 2015, и, наконец, «Совместный Комплексный План Действий» в Вене 14 июля 2015 года (Limbert, 2015).

3.1.1 Влияние Совместного Комплексного Плана Действий на политику США

США является одним из немногих мест, где СКПД стал неотъемлемой частью внутривнутриполитических переговоров. В то время как для президента Обамы и госсекретаря Джона Керри подписание данного соглашения является ничем иным, как их личным внешнеполитическим наследием, министры обороны США считают, что ядерный договор является одной из самых больших ошибок администрации. Согласно веб-страницы Белого Дома, данное соглашение — это хорошая сделка так, как она создаёт

условия для проведения мониторинга ядерной программой Ирана на всех её этапах, «увеличивает время необходимое на получение материалов для создания одной бомбы с 2-3 месяцев до одного года; уменьшает запасы обогащённого урана; уменьшает количество установленных центрифуг на две трети; а также не позволяет Ирану производить плутоний оружейного уровня» (Kerry, 2015). Более того, администрация США заявляет, что ядерный договор усилит безопасность и оборону Израиля, активизирует сотрудничество в области безопасности со странами Персидского Залива, а также будет поддерживать ограничения на ракетную и оружейную деятельность Ирана (Kerry, 2015).

В то же время, те, кто выступают против сделки, утверждают, что СКПД был заключён на основе опасных уступок и что сделка фактически узаконивает Иран в качестве ядерного государства. Они заявляют, что инфраструктура не будет разрушена, и что проверка не является достаточной, так как она не обеспечивает «повсеместный доступ в любое время» (Landau, 2015). Также есть мнение, что научная деятельность и разработка ядерного оружия могут быть продолжены с применением новейших центрифуг (при учёте некоторых ограничений), которые Иран сможет задействовать сразу после того, как ограничения, предписанные соглашением, потеряют свою силу. Таким образом, они опасаются, что если Иран решит пойти по пути продвижения своего военного потенциала, то международное сообщество не будет иметь достаточно времени и сопутствующих средств для предотвращения этого. А потому, сделка не помешает Ирану создать ядерное оружие, а всего лишь продлит необходимые для этого сроки. Кроме того, американские законодатели опасаются того, что договор увеличит террористическую деятельность Ирана на территории всего ближневосточного региона. (Landau, 2015). В общем, группа противников подписанного соглашения считает, что возможна «лучшая сделка» и что США необходимо продолжить применение санкций в отношении Тегерана, чтобы тот, в свою очередь, согласился на более строгие ограничения. Что же касается общего общественного мнения, то, несмотря на сильное противодействие Израильского правительства, последние опросы показывают, что еврейская община в США и Иране поддерживают подписание договора. Однако, картина становится не такой однозначной, когда дело доходит до американского населения в целом (Cohen, 2015). Изначально, договор пользовался огромной поддержкой, однако,

когда разгорелись дебаты в Конгрессе, опросы относительно заключения сделки начали показывать противоречивые результаты.

Несмотря на то, что сделка всё же была заключена, дебаты ещё не окончены, и противники соглашения в Конгрессе, вероятно, сгруппируют свои усилия для того, чтобы помешать реализации договора. В ближайшие годы ожидаются бурные дискуссии в отношении вопросов соблюдения условий договор, и, вероятнее всего, часто будет упоминаться в качестве дестабилизатора ситуации в ближневосточном регионе.

3.1.2 Потенциальные последствия снятия санкций для США

Хотя инструмент применения санкций и был спорным элементом внешней политики США, он являлся неотъемлемой стратегией Вашингтона в отношении Ирана на протяжении многих лет. Несмотря на споры относительно негативных последствий наложения санкций, существует своеобразный двухпартийный консенсус на их использование в качестве принудительной меры, направленной против стран-изгоев. И несмотря на то, что иранские дипломаты утверждают, что санкции не сыграли никакой роли в возвращении Тегерана к переговорам в 2013 году, политики США уверены, что именно они и являлись важнейшим стимулом для заключения финальной сделки. (Gillard, 2015). Именно поэтому многие законодатели считают невозможным немедленное снятие санкций, и именно поэтому данный вопрос, вызвавший множество разногласий о сроках и условиях реализации договора, стал так широко обсуждаем. Хотя Вашингтон и оставил в силе односторонние санкции в отношении терроризма и нарушений прав человека, санкции в отношении ядерной программы будут постепенно сниматься по ходу выполнения Ираном всех условий договора (в отношении некоторых условий, это может занять не один год). Как ожидается, большинство санкций будут отменены после так называемого 'Дня Реализации', который запланирован на середину 2016 года (Совет Безопасности, 2015). После того, как МАГАТЭ подтвердит, что Иран выполнил определённые обязательства, одновременно в США, ЕС и ООН начнёт осуществляться снятие санкции в отношении судоходной отрасли, гражданской авиации, нефтяного и газового сектора, в отношении банков и гражданского ядерного агентства Ирана (Совет Безопасности, 2015).

В то время как Совет Безопасности ООН уже приостановил санкции в новой резолюции, важным этапом и своеобразной победой для США стало сохранение оружейного и ракетного эмбарго ещё на пять и восемь лет соответственно. Более того, в случае, если Иран не выполнит условия сделки, все санкции будут снова применены, по крайней мере в теории.

Что касается потенциальных последствий снятия санкций, важно отметить, что как только было объявлено о заключении договора в июле 2015 года, цена на нефть сразу упала на 2%, что является преимуществом для экономики США. Согласно недавнему докладу Всемирного Банка, снятие санкций даст огромный толчок экономике Ирана и значительно увеличит добычу нефти. Эксперты считают, что Иран может заработать до 15 млрд \$ нефтяной прибыли в год, а мировая цена на нефть при этом может снизиться на 14%, в зависимости от реакции стран-членов ОПЕК (Devarajan, 2015). Более того, возобновление энергетического сектора Ирана предоставит возможности для инфраструктурных инвестиций, в частности в нефтяной и газовый сектор. Структуру торговых отношений Ирана, вероятно всего, также ждут изменения, с значительным увеличением экспортных и импортных связей с Западом. Кроме того, появление Ирана в международной финансовой системе предоставит значительные возможности по ведению бизнеса американским компаниям.

Наиболее спорным последствием снятия санкций с Ирана является размораживание активов, которое позволит руководству Ирана вернуть около 100-150 млрд \$. Противники ядерного договора считают, что эта сумма будет использована на усиление регионального влияния Ирана, а также на поддержку радикальных исламских организаций.

Кроме того, даже после 'Дня Реализации', значительное число лиц Ирана останутся в чёрном списке, и, вероятно, любая американская компания, которая попытается вести бизнес в Иране, понесёт за это уголовную ответственность. Этот факт станет сильнейшим сдерживающим фактором для возобновления бизнеса в Исламской Республике.

Парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что Иран может стать абсолютным победителем в данном вопросе (Maloney, 2015). Если он выполнит все условия первоначальной реализации договора, он, тем самым, добьётся значительного

влияния в долгосрочной перспективе. После того, как крупные западные компании внедрятся на рынок Ирана, возможность возобновления прежнего пакета санкций близка нулю. После разморозки активов, деньги станут фактически неприкосновенными.

3.1.3 Стратегические последствия ядерной сделки

Хотя ядерное соглашение и является важной вехой в истории ирано-американских отношений, оно, вероятно, не приведёт к крупным политическим рокировкам в ближайшем будущем. Как отметил верховный лидер Ирана Хаменеи, диалог между Ираном и США касается исключительно ядерной программы. Таким образом, нет никакого повода полагать, что две страны в ближайшем будущем начнут всестороннее сотрудничество по ряду острых вопросов, таких, как борьба против Исламского Государства, мирный процесс между Израилем и Палестиной или кризис в Сирии.

Иран, вероятно, продолжит поддержку таких организаций, как Хэзболла или Хамас, а США, в свою очередь, будут и впредь поддерживать сохранение части санкций в отношении терроризма. В результате, будущее направление, в котором будут складываться отношения в первую очередь будет зависеть от выполнения Ираном всех предусмотренных условий сделки, с одной стороны, и от снятия санкций США, с другой.

Кроме того, основная структурная характеристика союзов также не изменилась в ходе подписания соглашения, что в свою очередь означает, что несмотря на разногласия относительно содержания договора, Израиль по-прежнему будет оставаться основным партнёром США в регионе, а Вашингтон продолжит своё тесное сотрудничество со странами Персидского залива, большинство из которых находятся в напряжённых отношениях с Тегераном. Такие стратегические императивы исторически оказывали и впредь продолжат оказывать серьёзное влияние на взаимоотношения Ирана и США.

Хотя ядерный договор и является значительным успехом внешней политики для администрации Обамы, противоречия и разногласия по этому вопросу, скорее всего, продолжаться ещё в течении нескольких лет. Теперь, когда борьба за официальное утверждение сделки подошла к концу, следующей темой для дебатов станет 'День

Реализации', где противники сделки могут оказать серьёзное давление в отношении выявления негативных последствий договора.

3.2 Политика санкций Европейского Союза

Санкции, введённые с 2006 года в соответствии с резолюциями Совет Безопасности ООН, и в особенности, пакет санкций, согласованный в Январе 2012 года, оказались эффективным инструментом общей внешней политики ЕС (Council Regulation No 267/2012), а также стали причиной серьёзного экономического спада в Иране. Основной целью санкций со стороны ЕС являлись ограничение закупок, связанных с разработкой ядерного оружия, а также запрет на экспорт оружия, заморозка личных счетов и активов компаний, ограничение различных финансовых операций и свободного передвижения людей, который в той или иной степени связаны с ядерной программой. Из-за воздействия санкций, ограничивающих экспорт иранской нефти, соответствующие доходы Ирана снизились приблизительно на 30%. Более того, значительно снизились иностранные инвестиции, в то время как ВВП страны между 2012 и 2014 годами снизилась на 15%. Изменение торговых и политических отношений с Ираном отразились и на странах-участниках ЕС, в особенности на Греции и Италии, которые в большей степени зависели от импорта иранской нефти. Более того, вторичные санкции, введённые США относительно европейских компаний, стали дополнительной нагрузкой для стран-участников ЕС.

3.2.1 Ядерная сделка в контексте торговых отношений ЕС и Ирана

В ходе последних переговоров между Ираном и группой 5+1, стало очевидно, что санкций не могут быть сняты немедленно и что на реализацию этого уйдут месяцы. Согласно Совместному Комплексному Плану Действий, оставшиеся финансовые и экономические санкции со стороны ЕС будут сняты до января 2016 года, при условии выполнения Ираном всех соответствующих обязательств и одобрения МАГАТЭ. Снятие санкций для ЕС – это в первую очередь возможность восстановить свой статус

важнейшего торгового партнёра Ирана. Более того, в случае выполнения всех условий договора, переговоры, связанные с Соглашением о Торговле и Сотрудничестве, приостановленные в 2005 году, будут продолжены (так как Иран не является членом ВТО, то торговые отношения регулируются особым образом). Заключение всеобъемлющего торгового соглашения не только усилит сотрудничество с Ираном, но и в целом усилит роль и влияние ЕС в ближневосточном регионе. Помимо крупных европейских энергетических компаний, компании, участвующие в производстве транспортных средств и авиации, а также телекоммуникационные компании с нетерпением ждут открытия рынка Ирана.

3.2.2 Значимость договора для ЕС

С точки зрения ЕС, важным последствием снятия санкций с Ирана является то, что деятельность Ирана в области ядерной программы будет всецело контролироваться. Контроль может быть обеспечен посредством сотрудничества ООН (Совет Безопасности), МАГАТЭ и США. Важным последствием соглашения для ЕС также является и то, что переговоры относительно нарушения прав человека, которые были приостановлены, могут быть продолжены.

Своим участием в переговорах и заключением последующего соглашения, ЕС показал свою готовность принимать активное участие на самом высоком уровне по вопросам политики глобальной безопасности. Более того, ЕС чётко дал понять, что в соответствии с его доктриной безопасности от 2003 года, он привержен любым инициативам, направленным на нераспространение оружия массового поражения. Ближневосточный регион, свободный от ядерного оружия, является основополагающей миссией ЕС, как ключевого регионального игрока. Было бы стратегической ошибкой, если, помимо ухудшающихся условий региональной безопасности, дестабилизирующих Сирию и Ирака, возникло бы ещё более глубокое разделение и противостояние между основными региональными державами.

Тем не менее, подписание соглашения в последствии может оказать серьёзное влияния на отношения между ЕС и Израиля, в основном в отношении мирного процесса

на Ближнем Востоке, так как с реализацией ядерной сделки, ЕС, вероятно, сосредоточит все свои усилия на решении этого вопроса.

В ходе длительных переговоров, ЕС перенёс несколько серьёзных кризисов: разрешение мирового экономического кризиса, кризис на Украине и в Греции, а также кризис беженцев, усиливающий террористическую угрозу, - которые поставили ЕС перед серьёзными проблемами. Сделка с Ираном, в целом, является благотворным развитием общей внешней политики и политики безопасности ЕС.

3.3 Россия в контексте последствий ядерной сделки Ирана

Россия рассматривает ядерное соглашение как успех в целом, и как собственное достижение, в частности. Президент России Путин одобрил соглашение от 14 июля, подчеркнув важность двух принципов, заложенных в концепции внешней политики: «поэтапности и взаимности» (МИД России, 2013). Путин также подчеркнул важность и значимость вклада российской делегации в достижение успеха и достижение соглашения. В своём официальном сообщении президент высказал уверенность в том, что данное соглашение есть «мощный импульс для двусторонних отношений с Ираном, на развитие которых более не будут сказываться внешние факторы».

Более детальную оценку соглашения, дал министр иностранных дел, Сергей Лавров, который заявил, что Москва будет играть первостепенную роль по двум практическим вопросам: во-первых, транспортировка низкообогащённого урана из Ирана в Россию и транспортировка российского природного урана из России в Иран, и во-вторых, реконструкция завода по обогащению урана в Фордо для производства медицинских и промышленных изотопов (Лавров, 2015). Министр иностранных дел России также упомянул три аспекта, которые подчёркивают важность этого соглашения. Во-первых, ядерный договор усиливает режим нераспространения ядерного оружия; во-вторых, создаёт условия для «оздоровления ситуации на Ближнем Востоке, в Северной Африке и в Персидском заливе», и в-третьих, открывает путь для решения других региональных и международных проблем, таких как ИГИЛ (Лавров, 2015).

Согласно российской интерпретации соглашения, наблюдается значительный прогресс по решению вопроса оружейного эмбарго, снятие которого очень важно для России. Изначально, Запад хотел продлить его ещё на 8-10 лет, однако Москве и Пекину удалось сократить предполагаемый запрет до 5 лет. Продолжение мирной ядерной программы открывает новые перспективы для развития российской атомной отрасли. Однако не стоит забывать, о том, что выход Ирана на международный рынок нефти сулит большим потрясением для экономики России. Хотя Москва и продолжает воспринимать снижение цен на нефть как временное явление, эксперты считают, что период низкой цены на нефть затянется на годы, а возобновление нефтяного сектора Ирана только усилит динамику снижения.

3.3.1 Стратегические интересы России относительно ядерного договора

Подавляющее большинство экспертов в России считают, что соглашение было составлено преимущественно в соответствии с «российским образцом». То есть, с точки зрения Москвы, именно западная политика, направленная на смену режима и подтолкнула Иран к дальнейшему развитию ядерной программы, в связи с чем и возник риск использования орудия в военных целях. Российские эксперты также утверждают, что благодаря соглашению удалось избежать двух крайностей: ливийского сценария (Каддафи в одностороннем порядке отказался от оружия массового поражения) и случая с Северной Кореей, где руководством было принято решение по разработке и дальнейшему испытанию ядерного оружия (Казначеев, 2015).

Также некоторые эксперты утверждают, что соглашение станет неким рывком в отношениях между Россией и Западом и даже поможет разрешению кризиса на Украине. Также Москва рассматривает ядерное соглашение как дипломатическую битву, которую она выиграла, и которая позволит восстановить влияние России на международной арене, в целом, и в ближневосточном регионе, в частности (Арбатов, 2015).

Активное участие российской делегации в переговорах и восприятие результатов сделки как собственного успеха указывает на то, что Москва также хотела добиться прорыва в наиболее важной для России дискуссии с Вашингтоном в сфере политической безопасности – противоракетной обороне. С момента объявления

Америкой о начале программы противоракетной обороны, Россия расценила это как меру, нарушающую стратегический паритет между двумя странами. Так как Америка, аргументируя необходимость начала данной программы, основной потенциальной угрозой называла Иран, то успешная реализация ядерного договора является сильнейшим аргументом Москвы, выступающей против проведения программы противоракетной обороны.

Таким образом, можно сделать вывод, что важность соглашения относительно политической безопасности перевешивает негативные экономические последствия для России (снижение цен на нефть).

3.4 Иран во внешней политики Китая

Потенциальным победителем по мере реализации соглашения с Ираном может стать Китай. Сделка для Ирана даёт возможность для маневрирования Китая не только как крупнейшего импортёра нефти, торгового и инвестиционного партнёра, но также как крупнейшего регионального актора и партнёра в сфере политики безопасности. Тем не менее, существуют определённые риски и для Китая. Для Пекина самым важным является предотвращение двух маловероятных, однако возможных, последствий соглашения: широкомасштабной американо-иранской войны и, напротив, крепкого американо-иранского союза. Первый вариант закрывает путь для транспортировки нефти из Персидского залива в Китай, а второй вариант является своеобразной угрозой для китайских компаний, желающих инвестировать в рынок Ирана. Это объясняет сдержанную и осторожную политику Китая в отношении Ирана. Хотя Китай и проголосовал за санкции ООН, он всё же укрепил свои торговые отношения с Ираном, и, тем самым, позволил смягчить экономическое давление, оказанное на Тегеран в период усиления санкций.

С политической точки зрения, у Китая также двойственные интересы. Он не поддержал бы амбиции Тегерана в отношении развития ядерного оружия, с одной стороны, но также видел возможность посредством конфликта ограничить американское влияние в регионе.

Впоследствии успешной реализации сделки, предполагается усиление сотрудничества Ирана и Китая в четырёх сферах. Увеличение торговли нефтью станет очевидным результатом, однако Китай также готов принять участие в развитии инфраструктуры Ирана. Усиление сотрудничества в области безопасности является взаимным интересом двух стран. Более того, вероятность тесного политического сотрудничества также велика вследствие желания Тегерана и Пекина ограничить влияние Вашингтона в ближневосточном регионе.

3.4.1 Торговля нефтью

Несмотря на то, что Китай – даже в глобальном масштабе – обладает большими нефтяными и газовыми ресурсами, две трети потребляемой им нефти приходится импортировать (Топалов, 2015). Это обусловлено, во-первых, трудностями эксплуатации, и, во-вторых, быстрым ростом потребления. По прогнозам экспертов, дальнейшая зависимость Китая от импорта нефти лишь увеличится. Таким образом, развитие глобального нефтяного рынка имеет первостепенное значение для Пекина. Однако проблема заключается не только в спросе и предложении на нефтяном рынке, но и в том, что в условиях сложной геополитической системы Китаю необходим гарантированные, непрерывные поставки.

В связи с географической удалённостью Китая от основных материалов, необходимых для развития экономики – в том числе и нефти, он не может не импортировать их посредством долгих и стратегически-рискованных морских путей. Китай с особой опаской подходит к конфликтам в близлежащих районах Ирана, так как почти 70% от всей импортируемой нефти приходит с Ближнего Востока и Северной Африки. Следовательно, разрешение конфликта с Ираном и увеличение экспорта иранской нефти несут важное стратегическое значение для Китая.

Несмотря на то, что товарооборот между двумя странами увеличился с 7 млрд \$ до 52 млрд \$ в 2014 году, структура торговых отношений является скорее односторонней. На 2014 год, 77% от всего экспорта Ирана в Китай составляла нефть, 90% от всего экспорта Китая в Иран составляли промышленные товары, главным образом оборудование и транспортные средства. Однако Пекин и Тегеран поставили для

себя весьма амбициозную цель на грядущее десятилетие: к 2024 году планируется, что товарооборот между двумя странами превысит 200 млрд долларов (Yuldasheva, 2014).

3.4.2 Инвестиции Китая в развитие инфраструктур в Иране

Учитывая всю важность безопасной транспортной энергоносителей для Китая, Иран является определяющим звеном в налаживании таких поставок. Наземный трубопровод между Персидским заливом и Западным Китаем является одним из наиболее безопасных путей для поставок с Ближнего Востока. Поэтому, Китай будет готов к конкуренции с более технически оснащёнными западными компаниями в плане инвестиций в энергетический сектор Ирана. Согласно статистике ЮНКТАД, прямые инвестиции Китая в промышленность Ирана, в частности в энергетическую отрасль, сегодня составляют более 17 млрд \$ (UNCTADSTAT, 2015).

3.4.3 Сотрудничество в сфере безопасности

Ни Пакистан, ни Афганистан не могут быть стабилизированы без участия Ирана, а Иранская позиция относительно террористической организации ИГИЛ является неоднозначной. В тоже время для Китая безопасность центральной Азии является стратегическим вопросом, - из-за сепаратистки ориентированной деятельности мусульманских общин в провинции Хиньянг, безопасности китайско-пакистанской и китайско-афганской границ, а также Кашмирского конфликта, а потому Пекин с большей долей вероятности будет стремиться сотрудничать с Ираном по всем вышеперечисленным вопросам.

В связи с вышеупомянутой озабоченностью относительно безопасности транспортировок, Китай, вероятнее всего, будет стремиться стать ближе к Тегерану в плане традиционного военного сотрудничества. Министр обороны Китая уже упоминал о более тесном военном сотрудничестве между двумя странами в октябре 2014 года (Дехган, 2014), а вопрос о совместной борьбе против терроризма также стоит на повестке дня. Такие усилия со стороны Китая являются неким дополнением к созданию безопасных путей для поставок с Ближнего Востока.

3.4.4 Политическое сотрудничество

Укрепление экономических отношений и отношений в сфере безопасности обязательно приведёт к усилению политического сотрудничества между Ираном и Пекином. Существуют два фактора, сближающие Китай и Ираном в контексте политического сотрудничества: во-первых, обе страны хотят подорвать влияние США на Ближнем Востоке, и, во-вторых, критика со стороны запада относительно нарушений прав человека касается и Китая, и Ирана. Для углубления политического сотрудничества, Китай может оказать помощь Ирану в усилении его влияния в региональных многосторонних организациях, где Китай играет ведущую роль, например, в Шанхайской Организации Сотрудничества или, недавно созданном, Азиатском Инфраструктурном Инвестиционном Банке.

Однако Китаю стоит учесть некоторые риски более тесного сотрудничества с Ираном. С одной стороны, надёжность Ирана сомнительна, так как построение постоянных рабочих отношений с Тегераном является непростой задачей. С другой стороны, у Ирана есть собственные региональные амбиции, которые могут противоречить китайским интересам. С точки зрения бизнеса, главным риском является возможное невыполнение Ираном условий ядерного договора, что может привести к автоматическому возобновлению санкций в ближайшие десять лет. Такое событие приведёт к огромным потерям, в том числе и со стороны китайских инвесторов. Хотя Китай и стремится к тому, чтобы снизить влияние Вашингтона в регионе Ближнего Востока, остаётся также непонятным вопрос, готов ли сам Пекин взять на себя ведущую роль в проведении миротворческих операций для предотвращения хаоса на Ближнем Востоке без участия Соединённых Штатов.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Совместный Комплексный План Действий без сомнения является историческим моментом для всего мира в целом. Значительная часть санкций, наложенных на Иран, будет снята, что благоприятно скажется на разрушающейся экономике Ирана. Однако существует целый ряд факторов, который будет существенно сдерживать экономический рост в Исламской республике и возможность использования новейших ресурсов для достижения своих внешнеэкономических целей. Во-первых, США не допустит снятие санкций до тех пор, пока Иран реально не снизит свои ядерные возможности. А это в свою очередь означает невозможность добиться желаемого для Ирана влияния в регионе. Более того, необходимо понимать, что несмотря на снятие вторичных санкций с Ирана, первичные санкции, затрагивающие поддержку терроризма и нарушение прав человека, останутся в силе. Этот факт является сдерживающим для достижения экономикой Ирана своего потенциала, так как наложенные санкции не позволяют Ирану получить доступ к американскому капиталу и, что самое важное, к новейшим технологиям. То же касается и европейских санкций в отношении Ирана.

Благоприятной перспективой для Ирана станет увеличение экспорта и импорта, в частности с Россией, Китаем и некоторыми Европейскими странами. Возможный переход к использованию национальных валют, вместо доллара (например, с Россией в отношении импорта продовольствия), также будет способствовать двусторонней торговле. Несмотря на то, что СКПД действительно повлечёт за собой значительные инвестиции в экономику Ирана и общий экономический подъём в связи с возобновлением нефтяного экспорта, стоит понимать, что за предшествующие годы дорогостоящей ядерной политики, Иран накопил существенные долги, а потому финансовые вложения и прибыль от экспорта в первую очередь будут использованы в качестве выплаты существующих долгов. Более того, учитывая нынешнюю тенденцию и прогнозы экспертов, цены на нефть в обозримом будущем останутся на низком уровне, что не позволит Ирану быстро восстановить свой экономический сектор (EIA; 2015). К тому же Иран столкнётся с глобальной конкуренцией, а годы отсутствия на мировом

рынке нефти не позволят быстро наладить межгосударственные связи. Важным фактором в дальнейшем развитии сотрудничества Ирана и западных стран является нестабильность Исламской Республики на международной арене. Вероятно, что многие иностранные компании будут с колебанием относиться к торговле и капиталовложениям в Иран в связи с опасностью возобновления санкций.

Значительное падение цен на нефть, вероятно, станет мотивацией для смягчения позиции Иранских лидеров относительно ядерных переговоров и поддержки Башара Аль-Асада, с целью выхода из политической и экономической изоляции. Тем не менее, сложившаяся экономическая ситуация вряд ли сможет коренным образом изменить региональные амбиции Ирана как потенциального ближневосточного гегемона. Верховный лидер Ирана неоднократно заявлял, что ядерный договор никаким образом не притеснит национальные интересы Исламской республики. Ядерный договор, вероятно, снизит риск распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке, учитывая ожидаемое увеличение присутствия международных инспекторов в Иране. Более того, риск прямого военного столкновения с США и/или Израилем также серьёзно уменьшится.

Однако на региональном уровне, иранская ядерная сделка может сыграть дестабилизирующую роль. Ядерный договор усилит региональную позицию Ирана, что негативно повлияет на другие региональные державы, такие, как Турция, Саудовская Аравия и Израиль. Это, вероятно, приведёт к увеличению региональной напряжённости и кровопролития в ходе непрекращающихся конфликтов в Сирии, Ираке, Палестине и Йемене. Интересы лидирующих региональных держав пересекаются в контексте данных конфликтов на почве борьбы между суннитами и шиитами, а также Израилем и Палестиной. Такая нестабильная обстановка в сфере безопасности может лишь увеличить террористическую угрозу от радикальных исламских группировок, по крайней мере в долгосрочной перспективе.

На государственном уровне, в частности в самом Иране, внутривнутриполитическая конкуренция между приверженцами политики жёсткого курса и умеренными политическими силами может также возрасти. Расхождения в позициях относительно реализации ядерной сделки и её влияния на региональный и геополитический контекст усилят борьбу между конкурентами.

По всей видимости, ядерная сделка превратит борьбу 4 империй за безопасность на Ближнем Востоке в экономическое соперничество. Уже ощущаемая экономическая борьба может вызвать ещё большее напряжение, в том числе и в евро-атлантических отношениях. Для региональных держав Ближнего Востока – главным образом Израиля и Саудовской Аравии, политические вопросы безопасности всё же останутся решающими и будут всё также влиять на их внутреннюю политику.

Однако ядерная сделка не может решить все вопросы безопасности, даже в региональном контексте, хотя бы потому, что договор послужил неким символом возобновления региональной мощи Ирана и усилил его влияние в регионе, что не может не беспокоить региональных соперников Тегерана – в частности Израиль и Саудовскую Аравию.

Ядерная сделка является историческим моментом и с точки зрения нераспространения ядерного оружия: с окончания Холодной Войны лишь несколько государств были обвинены международным сообществом в попытке создания и развития ядерного оружия, более того Ирак и Иран являлись единственными государствами, чьи ядерные программы преследовались не только с помощью режима санкций, но и прямыми угрозами войны. Тот факт, что вопрос распространения ядерного оружия был урегулирован посредством дипломатических инструментов, доказывает, что сложная система по предотвращению распространения ядерного оружия, включающая разведку, ДНЯО, МАГАТЭ и СБ ООН, работает хорошо. Более того, Иранская сделка, вероятно, создала прецедент для будущего – посредством режима санкций, а также инструментов дипломатии, Иран был возвращён в обратный режим соблюдения.

Пока что нельзя с уверенностью сказать, какие последствия повлечёт за собой ядерный договор в контексте регионального и глобального баланса сил. В целом можно сказать, что сделка зародила глобальную конкуренцию, в основном в экономическом секторе Ирана. Что же касается победителей и проигравших, Иран точно окажется в выигрыше, так как помимо чёткого обозначения суверенитета своего государства, договор позволит Ирану реализовать существенные экономические выгоды, а также утвердить свой статус региональной державы.

В целом, ядерная сделка, скорее всего, станет новым краеугольным камнем в дальнейшем изменении геополитической динамики и порядка ближневосточного региона. Ядерная сделка Ирана уже привела к изменению стратегий безопасности ключевых региональных акторов. В этом контексте самым ярким примером геополитического последствия договора является военное присутствие России в Сирии. Сделка «устраняет барьер – в основном искусственно-созданный – на пути к созданию широкой коалиции для борьбы с Исламским Государством и другими террористическими группировками», заявил Сергей Лавров, министр иностранных дел России (Лавров; 2015).

Учитывая вышесказанное, стоит отметить, что СКПД – соглашение, за которым последуют значительные политические и экономические изменения в расстановке сил на Ближнем Востоке и общей стратегической картине мира. В этом контексте, ядерный договор – это не просто новая глава в отношениях Ирана с Западом. Это соглашение, которое повлечёт за собой трансформацию Ирана из политически и экономически изолированной страны в формирующуюся региональную державу, которая станет ядром формирования стратегий западного и не-западного миров. Таким образом, ядерный договор даёт начало новому этапу геополитического и экономического развития ближневосточного региона и мира в целом, и, вероятно, повлечёт за собой глобальные последствия в течении многих лет.

SUMMARY

FOUR EMPIRES IN THE FIGHT FOR IRAN

Natalia Elts

Joint Comprehensive Action Plan, agreed by July 14, 2015, between P5+1 group and Iran undoubtedly is a historic diplomatic achievement, which could significantly change the geopolitical and economic alignment of forces in the Middle East region, as well as in the overall strategic picture of the world. On the one hand, the agreement imposes significant restrictions on Iran's nuclear activities, but, at the same time, it liberates Tehran from a significant number of sanctions, which have strongly undermined the economic and political power of the country. Thus, this agreement will be the starting point for the transformation of politically and economically isolated Iran into the emerging regional power that would become the core of the formation of economic and geopolitical strategies of world empires.

This research aims to give an economic interpretation of the evaluation of the process participants to the agreement on Iran, and to determine the geopolitical, strategic and economic consequences of this deal for Iran itself, and for key global actors, which are determined by many scientific scholars as a modern empire. The analysis will include hypotheses about changes follow from the transaction, both in the international arena as a whole, and in the dynamics of individual subjects. The analysis will include the hypothesis about potential changes, following the nuclear agreement, in the international arena, as well as in the dynamics of the individual subjects.

This topic has been relevant for many years, as the Middle East region and Iran, particularly, have always been the core for the formation of strategic and economic policies of the major world powers. However, today, when upcoming lifting of sanctions became inevitable, the topic acquires a completely different meaning, as the international arena is welcoming a rightful, strong, and, importantly, ambitious player – Iran. The Middle East becomes the main global arena for implementation a new ‘balance of power’ policy, which would become the main feature of the coming decades.

БИБЛИОГРАФИЯ

Арбатов, А. (2015). Ядерное соглашение с Ираном: Финал или новый этап?

<http://carnegie.ru/2015/12/04/ru-62179/imoe> (09.12.15)

Вартанян А.М. (2006), Трансформация внешнеполитической доктрины ИРИ в 1979-2005 гг.” / А.М. Вартанян // Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен / отв. ред. М.Р. Арунова. – М.: Ин-т Ближнего Востока, ИВ РАН. – С.94

Дехганг, Х. (2014). Сотрудничество между Ираном и Китаем. – ИноСМИ, 12 мая.

<http://inosmi.ru/world/20140512/220199836.html> (08.11.15)

Игнатченко, И. В. (2011). Нефтяные войны «элиты» Туманного Альбиона: неизвестные страницы английской экспансии. – Независимая газета, 11 Ноября.

Казначеев, П. (2015). Жизнь после санкций. Почему Иран открывает свой рынок нефти? <http://cre.ranepa.ru/wp-content/uploads/2015/08/Life-after-sanctions.pdf> (09.12.15)

Лавров, С. В. (2015). Россия рассчитывает, что США больше не будет развивать Евро ПРО. – news.ru, 14 июля. http://www.newsru.com/world/14jul2015/iran_2.html (18.10.15)

Лавров, С. В. (2015). Заявление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова по итогам переговоров «шестёрки» международных посредников и Ирана по иранской ядерной программе. - МИД РФ 14 июля.

http://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla//asset_publisher/YCxLFJnKuD1W/content/id/1577220/pop_up?_101_INSTANCE_YCxLFJnKuD1W_viewMode=print&_101_INSTANCE_YCxLFJnKuD1W_qrIndex=0 (14.11.15)

Манучихри, А. (2007). Политическая система Ирана. Аббас Манучихри. – СПб.: Петербургское Востоковедение. – С.186.

МИД РФ (2013). Концепция Внешней Политики Российской Федерации.
http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/76389FEC168189ED44257B2E0039B16D
(28/11/15)

Совет Безопасности ООН (2015). Резолюция 2231, Июль, 2015.
http://luxembourgforum.org/regulatory_docs/documents/Resolution%202231-20-07-15_rus.pdf (08.12.15)

Топалов, А. (2015). Китай спасает нефть. – Газета.РУ, 28 мая.
<http://www.gazeta.ru/business/2015/05/27/6735569.shtml> (20.12.15)

Bowen, J. (2015). After Nuclear Deal, Which Iran Will Flourish. –
International Peace Institute. <http://theglobalobservatory.org/2015/08/karim-sadjadpour-iran-nuclear-khamenei/> (02/01/15)

Bush, G. W. President Delivers State of the Union Address. - The White House Archives.
<http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (21/11/15)

Cagaptay, S., James F., Khalaji M. (2015). Iran Won't Give Up on Its Revolution. –
New York Times, oped. April 26, 2015.
http://www.nytimes.com/2015/04/27/opinion/iran-wont-give-up-on-its-revolution.html?_r=0 (02/12/15)

Cohen, S. M. (2015). New poll: U.S. Jews support Iran deal, despite misgivings. –
Jewish Journal, July, 23.
http://www.jewishjournal.com/nation/article/new_poll_u.s._jews_support_iran_deal_despite_misgivings (17/11/15)

Colas, A. (2007). *Empire; Polity*. – Cambridge, 2007, 3–26.

Council Implementing Regulation (EU) 2015/2204 of 30 November 2015 implementing

Regulation (EU) No 267/2012 concerning restrictive measures against Iran. <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32015R2204&from=EN> (22/12/15)

Devarajan, S. (2015). *The Economic Impact of Lifting Sanctions on Iran*. - Carnegie

Endowment for International Peace, August, 27.

<http://carnegieendowment.org/2015/08/27/economic-impact-of-lifting-sanctions-on-iran> (22/11/15)

Ehteshami, A. (2014). *Iran's Foreign Policy after the Election of Hassan Rouhani*. - 8/1 2014.

<http://www.globalpolicyjournal.com/blog/08/01/2014/> (23.10.15)

Erdbrink, T. (2014). *A Nuclear Deal Is Likely to Hit Hurdles in Iran*. – New Times.

http://www.nytimes.com/2014/11/21/world/middleeast/iran-us-nuclear-talks.html?_r
(04.11.2015)

Erdbrink, T. (2015). *Post-Deal Iran Reappraising 'Great Satan'*. - New York Times,

September 18.

Erllich, R. (2015). *Iran's Jewish community gets behind nuclear deal with U.S.* - USA Today,

August 7. <http://www.usatoday.com/story/news/world/2015/08/07/globalpost-iran-jewish-community-nuclear-deal/31277653/> (28/10/15)

Ikenberry, G. J. (2002). *American Unipolarity: The Sources of Persistence and Decline*. -

Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002, p. 296.

Gearan, A. (2013). *Iran Could Use U.N. Talks as Cover to Build Bomb, Ban Ki-moon Says*. –

Washington Post. http://articles.washingtonpost.com/2013-02-14/world/37097672_1_uranium-stockpile-nuclear-program-nuclearwatchdog (07. 11.2015)

- Geranmayeh, E. (2014). Détente with Iran: How Europe can maximise the chances of a final nuclear deal. [http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR104_IRAN_BRIEF_AW_\(2\).pdf](http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR104_IRAN_BRIEF_AW_(2).pdf) (17.11.15)
- Gillard, N., Williams, D. (2015). What the Iran deal means for blacklisted entities. - The Bulletin of the Atomic Scientists, July 27. <http://thebulletin.org/what-iran-deal-means-blacklisted-entities8540> (27/11/15)
- Glenn, C. (2015). Post-sanctions Iran could be the next booming petrostate. <http://qz.com/398671/post-sanctions-iran-could-be-the-next-booming-petrostate/> (13/10/15)
- Global Economic Prospects (2013). Less volatile, but slower growth. - Washington, DC: 175. <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/GEP/GEP2015b/Global-Economic-Prospects-June-2013-Less-volatile-but-slower-growth.pdf> (07.10.15)
- Kazemzadeh, M. (2014). Hassan Rouhani's Election and Its Consequences for American Foreign Policy. - American Foreign Policy Interests, 36:2, 127-137.
- Kenneth, P. (2015). Iran's Regional Policy After a Nuclear Deal. - Brookings Institution. <http://www.brookings.edu/blogs/markaz/posts/2015/03/02-iran-after-a-nuclear-deal-pollack>. (10.11.2015)
- Kerry, J. (2015). The Historic Deal that Will Prevent Iran from Acquiring a Nuclear Weapon. - National Constitution Center, Philadelphia, Pennsylvania. <http://www.state.gov/p/nea/p5/> (27/11/2015)
- Khalaji, M. (2015). Khamenei vs. Rouhani: Projecting Very Different Views on the Nuclear Deal. – Washington Institute, July 16, 2015. <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/khamenei-vs-rouhani-projecting-very-different-views-on-the-nuclear-deal> (16.11.2015)
- Khamene'i (2014). U.S. Would Overthrow Iranian Government If It Could. - Reuters.

<http://www.reuters.com/article/2014/02/08/us-iran-usa-leader-idUSBREA170CT20140208> (08/10/15)

Landau, J. S. (2015). Here are key issues Congress will air as it debates Iran nuclear deal. –

McClatchy DC, July 22. <http://www.mcclatchydc.com/news/nation-world/world/article28364314.html> (30/11/15)

Levitt, M. (2012). Iran's Support for Terrorism in the Middle East. – Washington Institute.

<https://www.washingtoninstitute.org/uploads/Documents/testimony/LevittTestimony20120725.pdf> (17.11.2015)

Limbirt, J. (2013). Nukes, Negotiations and “Argo”. – United Institute of Peace, The Iran

Primer, February 20. <http://iranprimer.usip.org/blog/all/John%20Limbirt> (23/10/15)

Maloney, S. (2015). Un-sanctioning Iran: What the nuclear deal means for the future of sanctions. - Brookings Institution.

<http://www.brookings.edu/blogs/markaz/posts/2015/08/03-iran-sanctions-future-nuclear-deal-maloney> (12.10.15)

Maloney, S. (2011). Tehran and Washington A Motionless Relationship?

http://www.brookings.edu/~media/research/files/articles/2011/11/iran-maloney/11_iran_maloney.pdf (23/11/15)

Maximilian K. (2014). Enabling the Iranian Gas Exports Options. pp. 290-307

Mcdowall, A. (2015). Public Saudi Welcome for Iran Nuclear Deal Masks Private Unease. –

Reuters, April 3, 2015. <http://www.reuters.com/article/us-iran-talks-saudi-reaction-idUSKBN0MU0RF20150403> (12/12/2015)

Mostaghim, R. (2015). Iranians Rally to Support Iraq; Some Blame U.S. for Sunni

Insurgency. - Los Angeles Times, June 24, 2014.

<http://www.latimes.com/world/middleeast/la-fg-iran-volunteers-militants-iraq-20140624-story.html>. (07.10.2015)

Ngai, C. (2015). UPDATE 1-Oil prices could be \$5-\$15 lower in 2016 if Iran sanctions lifted. - Reuters. <http://www.reuters.com/article/2015/04/07/eia-oil-outlook-idUSL2N0X41AJ20150407#dkoogMviymYDqloG.97> (10/10/15)

Rouhani, H. (2015). US & Iran Nuclear Deal. – Ultius. <http://ultius.com/ultius-blog/entry/us-iran-nuclear-deal.html> (11/11/15)

Sick, G. (2015). The Carter Administration. - United States Institute of Peace, Iran Primer. <http://iranprimer.usip.org/resource/carter-administration-0> (10/12/15)

Sivan E. (1990). Religious Radicalism and Politics in the Middle East. - New-York: State University of New York Press, p. 244.

Slavin, E. (2014). Iran Emphasizes Nuclear Reconciliation, Criticizes U.S. Military Posture in Persian Gulf, Stars and Stripes. <http://www.stripes.com/news/iran-emphasizes-nuclear-reconciliation-criticizes-us-military> (02.11.2015)

The Iran Primer. - Archive, May 2015. <http://iranprimer.usip.org/blog/201505?page=3> (23.11.2015)

UNCTADSTAT (2015). Foreign Direct Investment: Inward and Outward flows and stocks. <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=96740> (10.12.2015)

U.S. Energy Information Administration. (2015). Short-Term Energy Outlook (STEO) http://www.eia.gov/forecasts/steo/pdf/steo_full.pdf (17.11.15)

Yuldasheva, G. (2014). Iranian-Chinese Relationship in the central-Asian context. – Latvian Institute of International Affairs, 2014. <http://liia.lv/en/blogs/iranian-chinese-relationship-in-the-central-asian/> (09/12/15)

Zielonka, J. (2012). Empires and the Modern International System. - Geopolitics, 502-525.